

Чэн Чжаньси удивлённо спросила:

— Я даже не сказала тебе, какой это день, откуда ты знаешь, что воскресенье?

— ... — Юй Цинтан, стараясь говорить как можно спокойнее, ответила. — Раньше случайно увидела твой паспорт.

Чэн Чжаньси еле сдержала смех:

— Раз увидела и запомнила? — Она с усилием подавила улыбку, стараясь выглядеть по-прежнему сдержанной, и искренне похвалила. — Учитель Юй, у вас отличная память.

Юй Цинтан не нашлась, что ответить, и решила больше ничего не говорить.

Чэн Чжаньси с силой прочистила горло, подняла голову и серьёзно произнесла:

— Да, в воскресенье у меня день рождения. Учитель Юй, вы подарите мне подарок?

Раз уж она так сказала, Юй Цинтан не могла не подарить ей подарок, верно?

Включая упоминание дня рождения перед Сян Тянью — всё это было сделано намеренно. Она просто хотела, чтобы Юй Цинтан отпраздновала её день рождения, купила подарок и провела с ней время наедине.

Юй Цинтан оправдала её ожидания и кивнула, затем спросила:

— Что тебе нравится?

Чэн Чжаньси не знала, плакать или смеяться:

— Разве можно так прямо спрашивать?

Юй Цинтан подумала и сказала:

— Мне написать тебе письмо с вопросом?

Чэн Чжаньси на мгновение замерла, а потом рассмеялась вслух:

— Ха-ха-ха.

Уголки губ Юй Цинтан поднялись в едва заметной улыбке, а взгляд, устремлённый на неё, был мягким, как вода.

Когда Чэн Чжаньси закончила смеяться, она объяснила:

— Я пошутила.

Чэн Чжаньси смотрела на её серьёзное выражение, с опозданием осмысливая услышанное, и с недоверием указала на себя:

— Со мной пошутила? — Боясь недопонимания, она тут же добавила. — Мне понравилась эта шутка. Я имею в виду, ты... ты специально хотела меня рассмешить?

Юй Цинтан кивнула.

Чэн Чжаньси, опьянённая внезапным счастьем, резко притянула Юй Цинтан к себе и прижала.

Она была просто безумно счастлива!

Юй Цинтан подняла руки, обняла её за талию и положила голову ей на плечо.

Ян Ли, впервые увидевшая эту сцену:

— !!!

Это? Это же офис! Так открыто обниматься?

Привыкшая к этому Гэ Цзин с наслаждением наблюдала за сценой, попивая чай из красных фиников и годжи, чтобы смягчить горло, раздражённое сегодняшней порцией «собачьего корма».

Утро, в отличие от раннего утра, было временем, когда в офисе было много людей, поэтому Чэн Чжаньси сдержанно обняла её и отпустила, хотя на лице Юй Цинтан читалось лёгкое сожаление.

В середине дня, пообедав в столовой, они пошли домой, держась за руки, и не отпускали их всю дорогу, даже проходя мимо стойки на первом этаже.

Администратор с профессиональной улыбкой, обнажающей восемь зубов, произнесла:

— Мисс Юй, мисс Чэн, добрый... — Её взгляд случайно скользнул вниз и замер на крепко сцепленных руках, голос дрогнул на пару секунд. — ...день.

Она оцепенело смотрела, как они подошли к лифту.

Жильцы, ожидавшие лифта, тоже увидели, как они идут вместе, держась за руки; их взгляды изменились, но, кроме приветствия Юй Цинтан, никто ничего не сказал.

Дзынь!

Чэн Чжаньси, держа Юй Цинтан за руку, вошла в лифт и по привычке встала у стенки.

Юй Цинтан же продолжила идти вперёд, до самого угла, поставила Чэн Чжаньси перед собой и прижалась лбом к её плечу.

Чэн Чжаньси потеряла счёт, сколько раз сегодня её охватывало чувство благоговейной радости; её сердце колотилось так сильно, что, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди. Её рука опустилась на спину Юй Цинтан, она погладила длинные волосы женщины, всё ещё чувствуя нереальность происходящего.

Жильцы тактично молчали, даже дыхание старались делать тише.

Остальные постепенно вышли, и вскоре в лифте остались только они двое.

Дзынь!

Чэн Чжаньси наклонила голову и мягко сказала женщине у себя на груди:

— Мы приехали, учитель Юй.

Юй Цинтан подняла лицо, посмотрела на дверь, а уголки её губ чуть заметно опустились.

Они расстались у входа в коридор. Юй Цинтан была необычно молчалива. Чэн Чжаньси, движимая импульсом, осмелилась спросить:

— Учитель Юй, пойдёшь ко мне вздремнуть?

Глаза Юй Цинтан вспыхнули.

— Хорошо!

*

Маленькая сценка:

— Учитель Юй, вечером ты будешь спать со мной?

— Хорошо!

В тот же вечер.

— Хорошая девочка, давай сделаем что-нибудь ещё.

— Мм... эм... (голос затихает)

На следующий день обе учительницы не могли встать с кровати и обе опоздали.

*

— Хорошо! — Женщина ответила звонким голосом, в котором звучала полная радость.

Если бы не её явно женский, зрелый голос, Чэн Чжаньси могла бы подумать, что только что разговаривала с ребёнком из детского сада, который радуется награде в виде красного цветочка от учителя.

Юй Цинтан тоже быстро почувствовала неловкость, понизила голос на несколько децибел и сдержанно сказала:

— Я сначала зайду домой, потом приду к тебе.

Чэн Чжаньси была немного ошеломлена, но инстинктивно улыбнулась:

— Хорошо.

Чэн Чжаньси открыла дверь квартиры 2102 и как обычно встала у двери, провожая Юй Цинтан взглядом. Юй Цинтан, пройдя полпути, вдруг обернулась; её взгляд пристально упал на неё, словно чтобы убедиться, что она всё ещё там.

Чэн Чжаньси улыбнулась ей в ответ.

Юй Цинтан тоже слегка улыбнулась и вошла в свою квартиру.

Увидев, как дверь напротив закрылась, Чэн Чжаньси повернулась и вошла в свою квартиру; её сияющая улыбка исчезла, сменившись задумчивым выражением.

Она бросилась на диван в гостиной и, успокоившись, погрузилась в размышления.

2101.

Юй Цинтан повесила сумку, пошла в спальню, переоделась в пижаму и вернулась в гостиную. Посмотрев на время, она обнаружила, что прошло всего две минуты.

Юй Цинтан:

— ...

Юй Цинтан прильнула к глазку и выглянула наружу — коридор был пустым, как всегда.

Она вернулась от прихожей и начала ходить по гостиной кругами, чтобы скоротать время; её шаги были лёгкими и радостными.

Она ни о чём не думала, её мозг не мог сосредоточиться ни на чём конкретном. На самом деле, с тех пор как вчера вечером она вернулась из Старого города и увидела Чэн Чжаньси своими глазами, она пребывала в состоянии огромной радости от встречи. Она хотела быть неразлучной с Чэн Чжаньси, обнимать её при любой возможности и быть вместе, чтобы восполнить эти двадцать лет разлуки.

Поэтому ей было всё равно на публику и на то, что её «характер резко изменился». По сравнению с внутренней радостью это было несущественно.

Десять минут спустя она стояла у двери Чэн Чжаньси, глубоко вдохнула и нажала кнопку звонка.

Чэн Чжаньси лежала на диване, размышляя. Когда внимание сосредоточено, время всегда летит очень быстро. Ей казалось, что она только что закрыла глаза, как раздался звонок в дверь.

Чэн Чжаньси встала, чтобы открыть дверь.

Юй Цинтан была в светло-голубой хлопковой пижаме с длинными рукавами и штанами, прижимая к себе подушку. Её чёрные волосы были распущены и убраны за маленькие ушки, лицо было белым и изящным, а выражение — кротким.

Она была без макияжа, внешние уголки её глаз мягко опускались вниз, а родинка в конце глаза добавляла ей хрупкости, вызывая непреодолимое желание защитить её.

Разум Чэн Чжаньси, который был на высоте, когда она была одна, полностью рассеялся при виде её. Любовь — вещь нерациональная, слепая, навязчивая, погружающая в бездну, из которой нет возврата.

Чэн Чжаньси не уступила дорогу, а сразу протянула руки и притянула стоящую у двери Юй Цинтан к себе в объятия.

Юй Цинтан была худой и маленького сложения, на руках казалась почти невесомой, но ощущение её в объятиях было иным — мягкой, ароматной, с изгибами, с гармоничным сочетанием костей и плоти.

Чэн Чжаньси почувствовала лёгкий аромат геля для душа, исходящий от неё, уткнулась лицом ей в шею, глубоко вдохнула и пробормотала:

— Ты приняла душ?

От её горячего дыхания Юй Цинтан стало немного щекотно, но она не отвернулась, тихо ответив:

— Ага.

Чэн Чжаньси усмехнулась:

— За такое короткое время ещё и успела помыться?

Юй Цинтан смотрела на голову,двигающуюся у неё на шее, кончики её ушей покраснели, и она смущённо произнесла:

— Ну... просто быстро ополоснулась.

Чэн Чжаньси снова усмехнулась.

Она слегка приподняла подбородок, положила его ей на плечо, руки всё ещё обнимали её спину и талию, и она комфортно прищурилась.

Это объятие не несло в себе никакого плотского влечения, и Юй Цинтан тоже положила руки ей на спину, время от времени поглаживая её гладкие, прохладные длинные волосы.

Чэн Чжаньси дома не надела верхнюю одежду, под ней была только белая рубашка.

Её рука случайно коснулась прямой линии позвоночника Чэн Чжаньси, очертаний мышц спины и стройных линий талии по бокам; кончики пальцев с любопытством исследовали их сквозь ткань рубашки.

Дыхание Чэн Чжаньси спёрло, и она прикусила нижнюю губу.

Чэн Чжаньси и не была абсолютно бесстрастной: зрелая женщина, видящая перед собой свою возлюбленную чистой и ароматной, не могла не иметь желаний, если только она не была недостаточно влюблена или фригидна. Просто Чэн Чжаньси знала, что у Юй Цинтан таких мыслей нет, поэтому она подавляла свои порывы.

Пусть это будет просто чистое объятие.

Но, очевидно, Юй Цинтан не давала ей оставаться чистой.

Прежде чем Юй Цинтан продолжила свои исследования, Чэн Чжаньси отпустила её, неловко поправила волосы за ухом и сказала:

— Я переоденусь в пижаму.

<http://bllate.org/book/16859/1553484>